

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Осмысливая насущные проблемы своего времени, В.С. Соловьев стремился понять их в контексте видения мира как развивающейся целостности. Это позволило ему выявить глубинные противоречия и тенденции, которые значимы и для наших дней. Предлагаемая вниманию читателя небольшая подборка текстов В.С. Соловьева достаточно убедительно свидетельствует об актуальности его творческого наследия в этом плане.

<...> Мы уже знаем два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными. Первое, общее условие состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себедовлеющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не на счет человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. <...> К этим двум присоединяется необходимо еще третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанность человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: возделывать землю. Возделывать землю — не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия. Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должны быть лишь страдательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая, цель нашей деятельности, но она входит как особый, самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправною: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав. Но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой —

оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. Способы этой деятельности не могут быть здесь указаны, они составляют задачу искусства (в широком смысле греческой *τεσνη*). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни.

Соловьев В.С.

*Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2 т.
Т.1. — М.: Мысль, 1988. — С.503-504.*

<...> Любовь, остающаяся только субъективным чувствованием, *любовь бездельная*, есть обман. Настоящая любовь необходимо выражается в деятельной помощи другим (увы! приходится ныне напоминать и такие аксиомы) и, следовательно, пользуется всеми необходимыми средствами для этой помощи. Но культура именно и есть совокупность всех исторически вырабатываемых средств и орудий для прочного обеспечения и всестороннего улучшения человеческой жизни, т. е. жизни всех людей. Если начало нравственной деятельности (или, что то же — действительной нравственности) есть любовь, а цель ее — благо всех, то культура есть система необходимых средств для полного проявления любви как нравственного начала и для полного достижения всеобщего блага как нравственной цели. Культурой, как и всем вообще, можно злоупотреблять и пользоваться ее средствами для целей, посторонних ее истинному назначению или даже прямо ему противоположных. Но из-за фальшивой культуры отрицать культуру вообще и всякому внешнему осуществлению любви противопоставлять саму любовь, как внутреннее субъективное начало, — это не только неосновательно, но и неосторожно, ибо если бывает фальшивая культура, то ведь бывает и фальшивая любовь, которой пользуются для сентиментального украшения своекорыстных

инстинктов и бессердечного равнодушия к чужому страданию.

Соловьев В.С.

*Чтения о Богочеловечестве // Соч. в 2 т.
Т.1. – М.: Правда, 1989. – С.376-377.*

<...> Подлинный смысл принципа равенства в том, что все люди равны *как люди*, как нравственные личности. Нравственная личность присуща, без различия, каждому человеческому существу. Отсюда следует, что ни один человек не может рассматриваться как средство для достижения чего бы то ни было (например, для производства материальных благ). Каждому человеку присуща внутренняя ценность, и он обладает неотъемлемым правом на существование, соответствующее его человеческому достоинству. Смысл общества в том, чтобы обеспечить каждому из его членов не только материальное существование, но и существование *достойное*. Ясно, однако, что бедность, переходящая известную границу, когда она становится отвратительной или принуждает человека отдавать все свое время и все свои силы на механическую работу, – такая бедность противоречит человеческому достоинству и поэтому несовместима с подлинной общественной нравственностью. Следовательно, долг общества – оградить всех своих членов от этой унижающей бедности, обеспечивая каждому *минимум* материальных средств.

<...> Для исполнения этого долга, для обеспечения каждому *минимума* материальных средств, необходимых для сохранения и свободного развития его нравственных и интеллектуальных сил, государство, как носитель исполнительной власти общества, должно будет сосредоточить в своих руках главные средства производства и распределения – заводы, банки, пути сообщения, торговые предприятия и т. д. Но эта перемена, которая частично уже совершается и должна окончательно завершиться либо посредством обязательного выкупа, либо систематической конкуренцией, никак не означает отмены частной собственности, так как она относится лишь к особому виду ее: к частной собственности, не способной приобрести личный характер. Здесь речь идет лишь о вещах чисто инструментальных, не имеющих ценности, независимой от их материального употребления, и никак не связанных с нравственной личностью. Следовательно, ничто не препятствует тому, чтобы эти вещи, которые, впрочем, уже, по большей части, принадлежат коллективным собственникам, перестали

быть частной собственностью и стали, для общего блага, собственностью общественной.

Иное дело, когда ценность собственности не ограничивается ее внешним употреблением. Связь человека с его достоинством и наследием бывает — или может стать — личным чувством, чувством глубокого почтения, а не только материального интереса. И для человечества важно, чтобы это отношение поддерживалось и развивалось там, где оно уже существует, и чтобы оно создавалось там, где его еще нет. Упразднение его было бы покушением на человеческую личность, несправедливостью и противоречием с точки зрения всеобщего братства. Материалистический социализм, грубо уравнительный, не замечает разницы, которая может существовать для собственника между машинами его завода и могилами его предков. Это различие может показаться довольно тонким, но оно тем не менее важно.

С другой стороны, было бы не только ошибочно, но и крайне неблагоприятно, с точки зрения самих консерваторов, чересчур преувеличивать ценность собственности *как таковой*, возводить в абсолютный принцип это абстрактное и формальное право употребления вещей и злоупотребления ими.

Собственность сама по себе ставят в ряд наивысших благ, делают из нее почти *summum bonum* и в то же время продолжают оставлять большую часть народа без пользования этим «верховным благом». Это — рискованная игра, которая в конце концов может привести в отчаяние тех, за кем сила.

<...> Собственность сама по себе не имеет ничего абсолютного. Это — ни священное благо, которое надо защищать любой ценой и во всех его проявлениях, ни зло, которое должно обличить и уничтожить. Собственность — относительный и обусловленный принцип, который должен подчиняться принципу абсолютному — принципу нравственной личности.

Нравственная личность не может пользоваться правами без соответственных обязанностей. Общеизвестно, что право собственности сопряжено с некоторыми общественными обязанностями. Однако было бы ошибочно игнорировать, что человек имеет обязанности не только по отношению к своим ближним, но и к миру низшему — к земле и ко всему, что на ней обитает. Если он имеет право пользоваться природой для себя и для своих ближних, его обязанность также возделывать и улучшать эту природу для блага самих низших существ и, следова-

тельно, он должен рассматривать их не только как средство, но и как цель. Но если использование земли в широком масштабе, для извлечения наибольшей пользы и удовлетворения общих потребностей,—если это *количественное* использование может быть успешным лишь в условиях коллективной, или общественной, собственности, то *качественное* возделывание и усовершенствование природы требует, напротив, личных отношений между человеком и объектом его труда. Чтобы развиваться, чтобы стать более глубокими и интимными, эти отношения должны быть установленными и постоянными, т. е. они требуют личной собственности. Следовательно, надо сохранять оба вида собственности, как равно необходимые для подлинной человеческой жизни: собственность коллективную, для общего обеспечения *минимума* материальных благ, и собственность личную, чтобы возвысить природу до высшей степени совершенства.

Соловьев В.С.

< СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЕВРОПЕ. ОТВЕТ НА АНКЕТУ Ж. ЮРЕ > // Соч. в 2-х т. т.1. — М.: Правда, 1989. — С.445-448.

<...> Народ или земство, восставшее на Западе против абсолютной церкви и абсолютного государства и победившее их в своем революционном движении, само не может удержать своего единства и целостности, распадается на враждебные классы, а затем необходимо должно распаться и на враждебные личности. Общественный организм Запада, разделившийся сначала на частные организмы, исключаящие друг друга, должен наконец раздробиться на последние элементы, на атомы общества, то есть на отдельные лица, и эгоизм корпоративный, кастовый должен перейти в эгоизм личный. Революция передала верховную власть народу; на место феодального принципа породы, на место политико-теологического принципа абсолютной монархии Божиею милостью она поставила принцип народовластия. Но под народом здесь разумеется простая сумма отдельных лиц, все единство которых заключается в случайном согласии желаний и интересов — согласии, которого может и не быть. Уничтожив те традиционные связи, те идеальные начала, которые в старой Европе делали каждое отдельное лицо только элементом высшей общественной группы и, разделяя человечество, соединяли людей, — разорвав эти связи, революционное движение предоставило каждое лицо самому себе и вместе с тем уничтожило его органическое различие

от других. В старой Европе это различие и, следовательно, неравенство лиц обуславливалось принадлежностью к той или другой общественной группе и местом, в ней занимаемым; с уничтожением же этих групп в их прежнем значении исчезло и это идеальное неравенство, осталось только низшее, натуральное неравенство личных сил. Из свободного проявления этих сил должны были создаться новые формы жизни на место разрушенного мира. Но никаких положительных оснований для такого нового творчества не было дано революционным движением. Легко видеть в самом деле, что принцип свободы, в отдельности взятый, имеет только отрицательное значение. Я могу жить и действовать свободно, то есть не встречая никаких произвольных препятствий и стеснений, но этим, очевидно, нисколько не определяется положительная цель моей деятельности, содержание моей жизни. В старой Европе жизнь человеческая получила свое идеальное содержание от католической религии, с одной стороны, и от рыцарского феодализма — с другой. Это идеальное содержание давало старой Европе ее относительное единство и высокую героическую силу, хотя уже оно таило в себе начало того дуализма, который должен был необходимо привести к последующему распадению. Революция окончательно отвергла старые идеалы, что было, разумеется, необходимо, но по своему отрицательному характеру не могла дать новых; она освободила индивидуальные элементы, дала им абсолютное значение, но лишила их деятельность необходимой почвы и пищи. Поэтому мы видим, что чрезмерное развитие индивидуализма в современном Западе ведет прямо к своему противоположному — к всеобщему обезличению и опошлению. Крайняя напряженность личного сознания, не находя себе соответствующего предмета, переходит в пустой и мелкий эгоизм, который всех уравнивает. Единственное существенное различие и неравенство между людьми, еще существующее на Западе, есть неравенство богача и пролетария; единственное величие, единственная верховная власть, еще сохраняющая там действительную силу, есть величие и власть капитала. Революция, утвердившая в принципе демократию, на самом деле произвела пока только плутократию. Народ управляет собою только *de jure, de facto* же власть над ним принадлежит ничтожной части его — богатой буржуазии, капиталистам. Так как плутократия по природе своей доступна снизу для всякого, то она и является царством свободного соревнования или

конкуренции. Но эта свобода и равноправность далеко не есть безусловное существование наследственной собственности, и ее сосредоточение в немногих руках делает из буржуазии отдельный привилегированный класс, а огромное большинство рабочего народа, лишенное всякой собственности, при всей своей абстрактной свободе и равноправности в действительности превращается в порабощенный класс пролетариев. Но существование постоянного пролетариата, составляющее характеристическую черту современного Запада, именно там-то и лишено всякого оправдания. Ибо если старый порядок опирался на известные абсолютные принципы, то современная плутократия может ссылаться в свою пользу только на силу факта, на исторические условия. Но эти условия меняются; на исторических условиях было основано и древнее рабство, что не мешало ему исчезнуть. Если же говорить о справедливости, то как скоро признано, что власть дается материальным богатством (так как оно принимается за высшую цель жизни), то не справедливо ли, чтобы богатство и соединенная с ним власть принадлежали тому, кто его производит, то есть рабочим? Разумеется, капитал, то есть результат предшествовавшего труда, столь же необходим для производства богатства, как настоящий труд, но никем и никогда не была доказана необходимость их безусловного разделения, то есть что одно лицо должно быть только капиталистом, а другие — *только* рабочими. Итак, является стремление со стороны труда, то есть рабочих, завладеть капиталом, что и составляет ближайшую задачу *социализма*. Но этот последний имеет и более общее значение: это есть окончательное принципиальное выделение и самоутверждение общества экономического в противоположность с политическим и духовным. Современный социализм требует, чтобы общественные формы определялись исключительно экономическими отношениями, чтобы государственная власть была только органом экономических интересов народного большинства. Что же касается до общества духовного, то его, разумеется, совершенно отрицает современный социализм.

<...> Мы видели в самом деле, что и в сфере общественных отношений, и в сфере знания и творчества вторая сила, управляющая развитием западной цивилизации, будучи предоставлена сама себе, неудержимо приводит ко всеобщему разложению на низшие составные элементы, к потере всякого универсального содержания, всех безусловных на-

чал существования. И если восточный мир, представляющий первый момент — исключительного монизма, уничтожает самостоятельность человека и утверждает только бесчеловечного бога, то западная цивилизация стремится прежде всего к исключительному утверждению безбожного человека, то есть человека, взятого в своей наружной, поверхностной отдельности и действительности, и в этом ложном положении признаваемого вместе и как единственное божество, и как ничтожный атом: как божество для себя — субъективно и как ничтожный атом — объективно по отношению к внешнему миру, которого он есть отдельная частица в бесконечном пространстве и преходящее явление в бесконечном времени; понятно, что все, что может произвести такой человек, будет дробным, частным, лишенным внутреннего единства и безусловного содержания, ограниченным одною поверхностью, никогда не достигающим до настоящего средоточия. Отдельный эгоистический интерес, случайный факт, мелкая подробность — атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве — вот последнее слово западной цивилизации. И поскольку даже исключительный монизм выше этого атомизма, поскольку даже плохое начало лучше совершенного безначалия или безголовости, постольку первый момент развития выше второго, в отдельности взятого, и мусульманский Восток выше западной цивилизации. Эта цивилизация выработала частные формы и внешний материал жизни, но внутреннего содержания самой жизни не дала человечеству; обособив отдельные элементы, она довела их до крайней степени развития, какая только возможна в их отдельности, но без органической связи они лишены живого духа, и все это богатство является мертвым капиталом. И если история человечества не должна кончиться этим отрицательным результатом, этим ничтожеством, если должна выступить новая историческая сила, то задача ее будет уже не в том, чтобы вырабатывать отдельные элементы жизни и знания, созидать новые культурные формы, а в том, чтобы оживить и одухотворить враждебные и мертвые в своей вражде элементы высшим примирительным началом, дать им общее безусловное содержание и тем освободить их от исключительного самоутверждения и взаимного отрицания.

Соловьев В.С.
Философские начала цельного знания // Избранные произведения. — Ростов-на-Дону: Феникс. 1998. — С.99-102, 111-113.

